

«Соперники, союзники, враги...»*

Восприятие Великобритании, Франции и США
в России и СССР
в первой половине XX века

Елена Сениявская

По сравнению с «образом врага» «образ союзника» занимал меньшее, хотя и существенное место в структуре массового сознания в период двух мировых войн. Далеко не безоблачными были отношения между Германией и ее сателлитами, которых она использовала, но при этом откровенно презирала, что отражалось и на взаимовосприятии народов этих стран. Сложными, причем не только политически, но и психологически, были и отношения внутри антигерманских коалиций – Антанты в период Первой мировой и Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

Военно-политический союз Великобритании, Франции и России (именуемый также Тройственным соглашением – Антантой, после присоединения Италии в 1915 г. – Четверным соглашением) оформился в 1904–1907 гг. как противовес Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившемуся в 1879–1882 гг. (распался в 1915 г. со вступлением в войну Италии на стороне Антанты). Все его участники имели свои геополитические, экономические и иные интересы, которые во многом противоречили интересам и целям других сторон союза.

Так, Великобритания в конце XIX – начале XX в., когда в Европе уже формировались две противостоящие друг другу военно-политические группировки, придерживалась политики «блестящей изоляции», то есть отказа от длительных союзов в мирное время, с тем чтобы использовать противоречия между двумя блоками для утверждения собственной гегемонии в Европе, и попыталась играть роль

СЕНИЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук. E-mail: <mailto:senyavsky@yandex.ru>

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, межвоенный период, Россия/СССР, Антанта, антигитлеровская коалиция, второй фронт, образ союзника.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

международного арбитра. Обострение англо-германского соперничества в Африке и на Ближнем Востоке побудило Великобританию искать союза с Францией и Россией. При этом на Среднем и Дальнем Востоке, где существовали русско-британские противоречия, Великобритания проводила откровенно антирусскую политику.

Еще в начале XX в. Великобритания и США, воспринимавшие Россию в качестве основного соперника в Тихоокеанском регионе, активно поддерживали агрессивные планы Японии, толкали ее на войну с Российской империей. Британия в 1902 г. заключила с Японией союз, а американский президент Т.Рузвельт открыто заявлял: «Япония играет нашу игру». Формально соблюдая нейтралитет, в действительности обе страны финансировали и вооружали японскую армию, помогали готовить ее кадры, развязывали в прессе прояпонские и антирусские кампании.

410 млн. долл. их займов покрыли до 40% военных расходов Японии в Русско-японской войне.

Портсмутский мир также был достигнут при своекорыстном посредничестве США, которые в равной мере не были заинтересованы в существенном усилении любой из двух воюющих сторон, в частности опасались, что исчерпавшая свои ресурсы Япония при продолжении войны потерпит поражение. В свою очередь Франция не была заинтересована в излишнем ослаблении России, рассматривая ее как противовес Германии в Европе, и тоже внесла свой вклад в заключение Портсмутского мира, стремясь поскорее вывести Россию из войны на Дальнем Востоке.

Окончательно союзные отношения между странами Антанты были закреплены после начала Первой мировой войны соглашением от 5 сентября 1914 г. об объединении военных усилий против Германии и ее союзников и о незаключении сепаратного мира с противником. Название «Антанта» стало применяться по отношению ко всей антигерманской коалиции. Фактически она распалась после провала интервенции в Советскую Россию в 1918–1922 гг.

Воевать до последнего русского солдата

Во время Первой мировой войны государства Антанты «взвалили основную тяжесть войны на Россию»¹, что проявилось уже с самого начала боевых действий.

«Немцы начали свое наступление на Францию по плану Шлиффена, разработанному еще Мольтке-старшим. Главный удар они наносили правым крылом своих армий через Бельгию на Париж. Французы терпели неудачу за неудачей и отступали. Франция обратилась к России за помощью. Россия начала спешное и неподготовленное наступление 2-й армии под командованием Самсонова в Восточной Пруссии. Немцы отступили, русские их преследовали...»².

Итак, несмотря на то что русские армии еще не были полностью укомп-

лектованы и снабжены всем необходимым для начала наступательных действий, они начали их, уступив настойчивым требованиям Франции, которая перед лицом немецкого нашествия оказалась в тяжелом положении, в том числе под угрозой сдачи Парижа.

Вследствие событий на Восточном фронте Германии пришлось срочно перебрасывать туда из Франции 2 армейских корпуса и кавалерийскую дивизию. Тем самым был сломан немецкий план войны, и в начале сентября 1914 г. Германия понесла тяжелое поражение в боях на р. Марне.

Однако на русском фронте недостаточно подготовленное и обеспеченное наступление привело к разгрому армии

генерала А.В.Самсонова. Этот трагический для русской армии эпизод надолго остался в национальной памяти.

«Русский народ понял, что может рассчитывать лишь на самого себя, – вспоминал генерал-майор царской армии, впоследствии генерал-лейтенант Красной Армии А.А.Самойло. – “Друзья” России – союзники – побуждали ее воевать до “победного конца”. Именно эти “друзья” заставили русскую армию наступать в Восточную Пруссию на 14-й день после объявления войны, чтобы выручить Париж. Он был спасен нами ценой 20 тысяч убитых и 90 тысяч попавших в плен»³.

Впоследствии в сентябре 1941 г. советский посол в Великобритании И.М.Майский в беседе с британским премьер-министром У.Черчиллем, аргументируя необходимость открытия второго фронта союзниками на Балканах, обратился к этому эпизоду Первой мировой войны.

«В 1914 году армия Самсонова не была готова к вторжению в Восточную Пруссию, тем не менее Самсонов вторгся, потерпел поражение, но спас Париж и спас войну. На войне нельзя всегда рассчитывать точно, побухгалтерски. Иное поражение может быть гораздо важнее победы. Черчилль с этим согласился, имя Самсонова произвело на него заметное впечатление»⁴.

Осенью 1914 г. русское военное командование, вместо того чтобы завершить начатый в Галицийской битве разгром австро-венгерской армии, под нажимом союзников, неоднократно просивших о новом наступлении против немцев, чтобы ослабить их натиск на Западе, изменило главное стратегическое направление с австрийского на германское, стало готовить наступление через Польшу на Берлин.

Генерал-лейтенант Н.Н.Головин в книге «Военные усилия России в мировой войне», оценивая кампанию 1914 г. на русском фронте, писал: «Действия русских армий в конце 1914 г. руководились той же резко

и со страшнейшим напряжением проводимой идеей выручить наших союзников. Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с общесоюзической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия теряет убитыми и ранеными около 1 млн. людей, и что делает особо чувствительными эти потери – это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава армии... К сожалению, союзники не оплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную Россией. Нужды последней не учитывались с такой же полнотой»⁵.

Союзники, неоднократно вынуждавшие Россию к наступлению в 1914 г. и в 1915 г. фактически оставили ее один на один против трех противников – Германии, Австро-Венгрии и Турции, не организовав в ее поддержку ни одной крупной военной операции на Западном фронте. В 1916 г. Россия в результате Брусиловского прорыва спасла от разгрома нового союзника – Италию, терпевшую поражение от австро-венгерских войск. Австрия вынуждена была прекратить успешное наступление в Италии и перебросить оттуда значительную часть своих войск на русский фронт. Кроме того, для спасения Австро-Венгрии от полного разгрома на помощь ей была перебросена 9-я немецкая армия. В результате успеха русской армии Австро-Венгрия оказалась на грани поражения и держалась только благодаря немецкой помощи, Италия была спасена от разгрома, Германия временно прекратила свое наступление под Верденом, а Румыния вступила в войну на стороне Антанты.

В этом контексте и формировался «образ союзника» как обобщенный в лице западных членов Антанты, так и конкретный, применительно к Англии, Франции, а позднее – США. Сложные

предвоенные отношения потребовали от власти определенных целенаправленных усилий, для того чтобы образ политических соперников, по сути недружественных стран, с которыми Россия в XIX в. неоднократно сталкивалась на полях сражений и которые коварно вмешивались в ее войны на стороне противников, отнимая плоды русских побед, – этот враждебный образ приходилось срочно «перелицовывать» в образ союзника. И пропаганда активно работала над формированием такого позитивного образа. Например, в России были изданы открытки с текстами государственных гимнов и изображением солдат в форме стран Антанты, причем русский солдат в этой серии ничем не выделялся. Союзники всегда склонны недооценивать усилия друг друга, но чувство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании. Однако, несмотря на усилия правительства по работе с общественным мнением, недоверие к союзникам, в первую очередь к Британии, продолжало сохраняться¹.

В начале XX в. и в правительственных кругах, и в общественном мнении России было распространено стойкое убеждение, что главным соперником на международной арене и потенциальным врагом является **Великобритания**.

Такое положение сохранялось до начала Первой мировой войны, несмотря на заключение еще в 1907 г. англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния в Персии.

Патриотический подъем, объединивший почти все слои российского и британского обществ, совместная борьба с общим врагом в 1914 г. сблизили две страны. Ненадолго были отодвинуты на задний план противоречия и различия между ними. Образ недавнего противника трансформировался в образ союзника, что стало заметной частью общественно-политической и

культурной жизни. Причем чем тяжелее становилось положение России (военная и экономическая ситуация), тем больше «общественную, культурную и бытовую жизнь пронизывали идеи союзничества и общей борьбы до победы, которые всеми мерами поддерживали правительства обоих государств. Своего пика распространение этих идей в российском обществе достигло в 1915–1916 гг. после того, как Лондон признал притязания царского правительства на Константинополь и черноморские проливы»⁶.

В свою очередь, на Западе волну симпатий к союзнице всколыхнул успех Брусиловского прорыва.

По сообщению членов думской делегации, посетивших Лондон и Париж, «Англию захлестнуло книгами о России, о русском народе. Даже «Слово о полку Игореве» переведено на английский». «Деيلي телеграф» писала: «Понемногу мы начинаем понимать русскую душу... Непоколебимая лояльность, за которую мы так благодарны. Все, что неясно грезилось мечтателям-идеалистам – выносливость, добродушие, благочестие славян, – так выделяется из общего ада страданий и несчастья»⁷.

Вместе с тем война объективно «не только способствовала складыванию союзнических отношений, но и одновременно порождала кризис доверия между двумя странами, который возник и усиленно подогревался в обществе с началом боевых действий»⁶. Для этого имелись вполне объективные основания.

«...По мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к обличению корыстных союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей... К концу 1916 – началу 1917 г. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров, причем как всегда наиболее негативные оценки относились к роли Великобритании, готовой «воевать до по-

следнего русского солдата", для чего англичане "втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги"¹.

А союзники негодовали: «Почему это у русских слабеют прозападные симпатии?».

Русская кровь в обмен на снаряды

К Франции в российском обществе отношение было несколько лучше, нежели к Великобритании¹, хотя она отнюдь не была более надежным и благодарным за помощь союзником. Симпатию к этой стране вызывал тот факт, что на ее территории также велись боевые действия, от «германских зверств» страдало ее гражданское население, тогда как Британия «отсиживалась за проливом». Конечно, французы осознавали объективную роль России в противостоянии Германии.

Президент Франции Р.Пуанкаре записал в дневнике в 1915 г.: «Самба ... подчеркивал эффективность русской помощи и категорично заявил: "Скажите без боязни, что, не будь России, нас бы захлестнула волна неприятельского нашествия. Имейте это в виду каждый раз, когда натолкнетесь на то или другое последствие внутреннего режима этой великой страны"⁸.

В Первую мировую войну Россия дважды спасала Францию от полного разгрома ценой потери гвардии и лучших кадровых военных. Однако французы очень быстро, еще в ходе самой войны, забыли об этом. Изю всего, в том числе трудностей России, вызванных помощью западным союзникам, они стремились извлечь «барыш».

Союзники России думали, прежде всего, о будущих «плодах победы», о том, как выгоднее разделить их, разорив при этом Германию, что проявилось и на экономической конференции в Париже (под председательством французского министра торговли Клемантеля), созванной по просьбе Рос-

И Ллойд Джордж возмущенно писал: «Они всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними»⁷. Как будто это не соответствовало действительности.

сии, испытывавшей острые финансовые трудности.

Но надежды России на союзников не оправдались: хотя ее делегации удалось договориться об очередном займе в 5 млрд. франков, ей сразу же попытались навязать льготные тарифы для французской и британской промышленности. Несмотря на то что Россия несла огромные убытки от своего «сухого закона», французы также потребовали, чтобы Россия за дефицитную одолженную валюту покупала дорогое вино во Франции!

Невыгодное русским стремление разорить Германию – основного довоенного торгового партнера России, вылилось в откровенное обсуждение раздела послевоенного российского рынка между Великобританией и Францией.

Союзники, в том числе Франция, искали малейший повод для того, чтобы не дать России укрепиться и воспользоваться будущими итогами войны, благоприятными для Антанты.

Французский посол в России М.Палеолог писал: «Если Россия не выдержит роли союзника до конца, ...она тогда поставит себя в невозможность участвовать в плодах нашей победы; тогда она разделит судьбу Центральных Держав»⁷.

Французы еще в ходе войны пытались извлечь максимальную выгоду из поставок России вооружения и боеприпасов, в которых она столь остро нуждалась. Русским кровью пришлось оплачивать французские интересы не только на Восточном фронте, но и на территории самой Франции.

Так, в конце 1915 г. французское правительство предложило направить во

Францию 400 тыс. русских солдат для пополнения личным составом своих войск в обмен на вооружение и боеприпасы.

Вопреки отрицательному отношению к этому предложению русского военного командования оно было принято царским правительством. В 1916 г. оборонять страну-союзника был брошен Русский экспедиционный корпус – фактически из-за требований выплатить долги, образовавшиеся вследствие закупок Россией вооружений во Франции для ведения, кстати, войны с общим противником.

В *Русский экспедиционный корпус* за все время его существования входили четыре пехотные и одна артиллерийская бригада общей численностью свыше 44 тыс. чел., направленные Россией для совместных действий с союзниками на Западном и Салоникском фронтах.

Первая партия русских войск – две особые пехотные бригады численностью свыше 10 тыс. чел. каждая – прибыла на Западный фронт (во Францию) в апреле и июне 1916 г. Включенные в состав 4-й французской армии, они заняли позицию у г. Мурмелон Ле-Гран – на одном из наиболее опасных участков фронта и до конца 1916 г. вели упорные оборонительные бои, в ходе которых потеряли более 1/3 своего состава.

В августе-октябре прибыли еще две пехотные бригады.

Осенью 1916 г. две русские бригады были переброшены из Франции в Грецию (в район Салоник), где приняли участие в боевых операциях. Весной 1917 г. по приказу Временного правительства туда же были переброшены артиллерийская бригада и саперный батальон.

В апреле 1917 г. 20 тыс. русских солдат участвовали в так называемой «боюне Нивеля» на Реймсе, в которой потеряли более 5 тыс. чел.⁹

Части Русского экспедиционного корпуса были единственными, которые непосредственно соприкоснулись с французами в ходе боевых действий и

могли выстраивать «образ союзника» исходя из личного опыта взаимодействия и общения. Опыт этот был весьма разносторонним и неоднозначным.

Трагическую историю русских солдат, направленных в Первую мировую войну во Францию, с интересными подробностями изложил в своем автобиографическом романе «Солдаты России» участник событий, впоследствии советский маршал Р.Я.Малиновский. Он описал и долгий путь во Францию, и первые впечатления солдат от страны и ее народа, приводя множество бытовых деталей и эмоциональных оценок. Русские отметили и относительно богатую жизнь, и организованный быт, и особенности в обычаях и жизненном укладе. Встреча русских защитников французским населением была весьма теплой – с цветами, флагами, исполнением национальных гимнов.

«Под восторженные приветствия поезд тронулся. Путь был – на Лион, Дижон, Париж. Каждая маленькая станция, на которой и поезд-то не останавливался, была запружена народом. Люди толпились даже на переездах, аккуратно закрытых шлагбаумами. И все кричали, махали цветами, бросали их в вагоны. На больших станциях, где поезд останавливался на несколько минут, вообще было столпотворение. Солдат качали, одаривали вином, фруктами, дети бросались им на шею. Девушки в белых халатах с маленькими красными крестиками на косынках развозили в чистеньких тележках кофе, какао и угощали солдат. Те не отказывались, подставляли свои кружки»².

Вскоре установился контакт и с французской армией.

«Общение с французскими солдатами становилось все более тесным. Простым мужикам из Смоленщины, Черниговщины, Тамбовщины была по душе сердечность и доброта вчерашних пахарей и виноградарей. С ними можно было сговориться, не

зная языка, — мысли одни, интересы одни, кругозор один, поэтому “туа муа, кама-рад” — и все ясно. Русские были удивлены демократическими отношениями французских офицеров и солдат. Их можно было встретить в кафе вместе за одним столиком, они запросто подавали руку друг другу, что абсолютно не допускалось в русской армейской среде. Французы-солдаты просто обращались к своим офицерам: “господин капитан”, даже “господин генерал”, а непосредственно к своему командиру роты или командиру дивизии еще более располагаяще, с оттенком некоей интимности: “мой капитан”, “мой генерал”, без всяких там “высокоблагородий” и “высокопревосходительств”.

Ни о каких телесных наказаниях не могло быть и речи; любой французский офицер, позволивший себе ударить солдата, сполна, а то еще и с лихвой получал сдачи — на том дело и кончалось. А ведь в русской армии били направо и налево, а в последнее время, чтобы укрепить пошатнувшуюся в русских войсках во Франции дисциплину, были введены на законном основании, то есть по указу Его Императорского Величества, телесные наказания розгами. Сразу повеяло духом экзекуций времен Павла Первого... Не могли также не видеть русские солдаты, что французы в массе своей живут лучше, чем крестьяне и рабочие России, что у французов нет царя, что у них существует хотя бы подобие свободы. Во Франции почти не встретишь неграмотного, дома в деревнях каменные, дороги почти все вымощены камнем или шоссированы. Русский человек от природы наблюдателен и всегда немного философ. Все увиденное вызывало среди солдат много оживленных толков.

Над всем этим не могло не задуматься и командование. Решено было усилить в полках “воспитательную” работу. Все чаще и чаще в ротах стали появляться офицеры. Они прикидывались такими добряками и старались ответить на возникавшие у солдат вопросы, как-то сгладить у них остро-ту восприятия окружающей действительности.»².

Храбрость русских солдат восхищала французское руководство, которое

щедро раздавало ордена русскому начальству за доблесть их подчиненных. За время участия в боевых действиях у русских солдат, проливавших свою кровь на полях Франции и на Балканах, накопилось немало поводов для обид. Особенно настроения значительной части Русского экспедиционного корпуса стали меняться после Февральской революции в России и кровопролитных апрельских боев в период «операции Нивеля».

Стали раздаваться требования о возвращении на родину, но они получили отказ. В войсках началось брожение. Из-за начавшихся волнений французское командование в мае 1917 г. вынуждено было снять русские части с фронта и временно отвести в тыл, во внутренние лагеря, где солдат держали на голодном пайке.

Менялось и отношение во французском обществе к русским. Быстро иссяк прилив добрых чувств к русским солдатам и в официальных французских кругах, поутихли восторги в адрес русских героев, которых теперь обливали грязью. В прессе их называли изменниками. Оказалось, что русские солдаты не только отказываются идти в бой за Францию, но своим примером смущают французских солдат, среди которых тоже прокатились волнения.

Сами французские власти, видя, что русские части охвачены революционными настроениями, оказались заинтересованными в том, чтобы вернуть их в Россию. Но у Временного правительства не было желания возвращать бунтарские бригады из Франции: бунтарей хватало и на русском фронте. Переговоры затянулись: не находилось необходимого транспорта ни у Временного правительства России, ни у англичан, ни у французов². При этом Временное правительство дало указание новому командованию Экспедицион-

ного корпуса «о применении к мятежным элементам русских бригад смертной казни».

«Со своей стороны французское командование было обеспокоено распространившимися слухами за границей, и особенно в России, что якобы репрессии по отношению к русским войскам применяют и французы. Это, естественно, возбуждало умы просвещенной части общества не в пользу Франции. Было дано указание французскому военному атташе в России категорически опровергнуть перед русским командованием подобные слухи. Рекомендовалось официально засвидетельствовать, что русские бригады на французском фронте, особенно в апрельском наступлении, проявили высокую воинскую доблесть, в связи с чем бригады понесли большие потери, что и заставило французское командование оттянуть их с фронта в тыл для пополнения. А «некоторое возбуждение» в рядах русских присписывалось революционной пропаганде и переходу бригад на новое положение, установленное статутами, введенными Временным правительством. В этих условиях французское военное командование, дескать, и сочло своим долгом сосредоточить русские бригады в одном из внутренних лагерей, дабы дать им возможность прийти в спокойное состояние»².

В конце июля размещенные в лагере Ля-Куртин части 1-й Особой пехотной дивизии подняли восстание, отказавшись снова выступить на фронт.

Вот одно из писем русских солдат на родину, в котором выражались широко распространенные настроения в экспедиционном корпусе: «...Мы, солдаты революционной России, в настоящее время находимся во Франции не как представители русской революционной армии, а как пленные, и пользуемся таким же положением... Наш генерал Занкевич выдает нам на довольствие на каждого человека 1 франк 60 сантимов, или русскими деньгами 55 копеек. Что хочешь, то и готовь на эти жалкие гроши себе для суточного пропитания. Жалованье с июля месяца совсем не дают...

Мы в настоящее время арестованы и окружены французскими войсками, и нет выхода. Поэтому я от имени всех солдат прошу и умоляю вас, товарищи великой революционной России, услышите этот мой вопль, вопль всех нас, солдат, во Франции. Мы жаждем и с открытой душой протягиваем вам руки – возьмите нас туда, где вы...»².

Лишь спустя полтора месяца попали эти письма в Россию и были напечатаны в «Социал-демократе». К этому времени выступление русских солдат в Ля-Куртине за свои права было уже подавлено: в начале сентября против них была проведена карательная операция русскими войсками, оставшимися верными Временному правительству и командованию Экспедиционного корпуса, при поддержке французских войск. После четырехдневных боев восставшие были разгромлены, потеряв более 200 чел. убитыми и около 400 чел. ранеными. Более 100 руководителей и активных участников восстания были отданы под военно-полевой суд и приговорены к каторжным работам³.

Незадолго до этого, надеясь на мирное разрешение конфликта, ля-куртинцы написали обращение к французским властям, в котором говорилось: «Находясь на земле Франции более шестнадцати месяцев и немало пролив своей русской крови на полях Шампани, а также под Курси, мы, солдаты 1-й Особой пехотной бригады, доведены нашим русским начальством до такого положения, что мы не знаем, кто мы – пленные или арестованные!..

Мы окружены со всех сторон французскими патрулями, и нам не дают никакого выхода из лагеря. Кроме того, нам не дают хлеба и других продуктов, и мы остаемся голодными...

У нас в России, как известно, более трех миллионов пленных: немцев, австрийцев и турок, и они все там сыты, а мы, вольные граждане свободной России, находясь в союзной нам стране, остаемся голодные! Нас здесь морят голодом, и никто не хочет слышать наши крики!.. Вче-

ра по всем газетам [нас] восхваляли за храбрость, а сегодня по всем войскам громят ... как бунтовщиков. Но что мы плохого сделали для Франции?..»².

Ответ французского правительства был лицемерен: оно не вмешивается в дела русского отряда и русского командования. Однако в подавлении выступления ля-куртинцев приняли участие не только недавно присланные Временным правительством русские войска, но и французские, в том числе стянутые с фронта. Лагерь был блокирован, французская артиллерия заняла позиции на горных склонах.

«Двухъярусное» расположение союзных войск было не случайным. ... Кое-кто открыто заявлял, что не пустит в ход оружие против солдат-земляков... Таких, разумеется, немедленно арестовали, но можно ли было поручиться за благонадежность остальных, не дрогнут ли они в последнюю минуту и, больше того, не начнут ли перебежать на сторону восставших?

Такого рода попытки и должны были пресечь французские войска. Они выполняли двойную функцию: были направлены против мятежников и создавали угрозу удара в спину для тех, кто вздумает поколебаться»².

Вскоре все русские части во Франции были расформированы, а солдатам и офицерам предложено продолжать военную службу во вновь созданном Русском легионе или «добровольно» вступить в тыловые команды действующей французской армии.

Аргументировалось это так: «У нас во Франции даром хлеб никто не ест... Мы ведем тяжелую войну, и каждый, кто живет на французской земле, должен трудиться на пользу Франции... Вы составляете обузу для Франции, мы не знаем, кто и когда будет расплачиваться за ваше содер-

жание и питание. Поэтому вас скоро направят на полезные работы...» Русские солдаты возмущались: «Мы уже расплатились!.. И за себя и за нашу страну. Мы целый год защищали французскую землю под Реймсом, мы обильно полили ее своею кровью под Бримонном, да и на других участках фронта много наших братьев пали смертью героев. Какой еще цены вам надо, какого вы расчета требуете?...»².

В итоге свыше 2 тыс. чел., несогласных с выдвинутыми французами условиями, отправили на принудительные работы в Северную Африку, большинство согласилось на «добровольные работы» в тылу и лишь несколько сотен человек вступили в Русский легион, сразу же отправленный на фронт^{9,2}.

В июле 1918 г. Советское правительство осудило Францию за незаконное удержание российских граждан, но лишь в 1919–1921 гг. после его неоднократных требований о возвращении бывших солдат Русского экспедиционного корпуса, основная их часть вернулась на родину.

У французов оказалась короткая память. Уже во время самой войны они забыли, что Россия ценой огромных жертв не раз спасала их от полного разгрома, и предъявили к ней материальные претензии. Тем более не вспоминали они о спасительной роли своей союзницы после войны: Советской России французы выставили финансовые счета по долгам царского и Временного правительств и участвовали в интервенции против нее. И в конце XX в. они отнюдь не забыли о долгах, взятых союзницей в начале столетия для того, чтобы сражаться с общим врагом, через 80 лет заставив ослабевшую постсоветскую Россию «вернуть старый должок».

Успеть к разделу «германского пирога»

Среди «союзников» России в Первой мировой войне Соединенные Штаты Америки занимали крайне не-

значительное место. Они вступили в войну только в апреле 1917 г., оставаясь до этого нейтральными, но осуще-

ствляя поставки вооружения странам Антанты и получая от этого огромные прибыли, то есть, по общему мнению, «богатели на войне, ничем при этом не жертвуя». Вступление Америки в войну произошло уже после падения монархии в России и прихода к власти Временного правительства, которое они поддержали, предоставив займы.

Но еще при царском правительстве США стремились воспользоваться финансовыми трудностями воюющей России, впрочем, как и других европейских стран. Американский посол в Петрограде Дэвис в 1916 г. предлагал заключить экономическое соглашение, предоставляющее США особые права в России и превращающее ее, по сути, в сырьевой придаток и рынок сбыта американской продукции, мотивируя свое предложение тем, что плодами русских побед могут воспользоваться англичане, предъявив России счет за долги.

Американцы получили вежливый, но твердый отказ⁷.

Вполне естественно, что сложившийся за годы войны образ Америки как «торгаша, наживающегося на чужой крови», и после ее запоздалого вступления на стороне Антанты не сильно изменился к лучшему: было совершенно очевидно, что США вступили в войну, когда исход ее был уже предопределен, чтобы не опоздать к разделу «германского пирога».

После Октября 1917 г. США больше всего возмутил отказ большевиков от финансовых обязательств их предшественников, и они участвовали в интервенции против Советской России, высадив экспедиционные войска в ряде районов Севера и Дальнего Востока. Вплоть до 1933 г. американское правительство не признавало СССР и не имело с ним дипломатических отношений.

(Окончание статьи в № 5. 2010)

Примечания

- ¹ Голубев А.В. «Образ союзника» в сознании российского общества 1914-1945 годов // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 277, 276.
- ² Малиновский Р. Я. Солдаты России. М., 1969. С. 75-76, 189-190, 197, 259-264, 300, 313-314, 305-306, 344-345, 347-348.
- ³ Самойло А.А. В ставке Верховного главнокомандующего // Первая мировая / сост., предисл., вступит. ст. к док. и комм. С.Н.Семанова. М., 1989. С. 428.
- ⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. М., 1983. С. 114.
- ⁵ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 196-197.
- ⁶ Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. тр. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 175-179, 178.
- ⁷ Цит. по: Шамбаров В. За Веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 517, 518-519.
- ⁸ Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915. М., Минск, 2002. С. 481.